

РУССКИЕ МЫСЛИТЕЛИ ОБ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ СМЫСЛЕ СОБСТВЕННОСТИ

*Работа представлена кафедрой общегуманитарных и социально-экономических дисциплин
Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации.
Научный руководитель – доктор юридических наук, профессор И. Л. Честнов*

В статье рассматривается проблема собственности и отношение к ней через анализ опыта становления и развития философии собственности в отечественном наследии. Собственность рассматривается как право человека, которое имеет антропологический смысл.

The article deals with the problem of property and attitude to it through the analysis of formation and development of the property philosophy in the domestic heritage. Property is considered as a human right that has an anthropological sense.

Актуальность заявленной проблемы заключается в том, что собственность по своей сути сохраняет за собой статус парадоксального явления, имеющего глубокий социальный смысл, но сохраняющего свою неопределенность и многообразие своих интерпретаций. Значение собственности в истории общества бесспорно, ибо она выступает безусловным мотивом становления

и развития экономических формаций. Собственность является неотъемлемым элементом любой политической конструкции. Сложность этого феномена находит свое освещение не только в исторической, но и в современной научной мысли.

Экономический дискурс рассмотрения собственности обеспечивает представление о собственности как отношении, которое

возникает между участниками имущественного оборота по поводу производства, присвоения и распределения материальных благ. Социокультурная мысль воспринимает собственность как одно из условий становления и последующего воспроизводства общества. Право понимает собственность как способ оформления социально-экономической сферы жизнедеятельности общества и людей в обществе. Каждый из отмеченных подходов имеет определенный наработанный опыт освоения собственности и отношения к ней, но собственность сохраняет свою неопределенность. Эта неопределенность обусловлена недостаточным вниманием к исследованию ее онтологических оснований.

В каждой из указанных сфер познания понятие «собственность» имеет ярко выраженный целевой характер. Однако эти отрасли знания никогда не брали на себя обязательство поиска целостного представления о собственности. Абсолютизация этих концепций и ограниченность их потенциала ставит отмеченные отрасли познания в затруднительное положение, когда рассматривается проблема собственности.

Из этого следует вывод о том, что сложившиеся отраслевые представления о собственности и отношениях собственности исчерпали себя. Их можно принимать во внимание, но нельзя востребовать их операциональность на уровне средства (инструмента) рассмотрения и разрешения современных проблем, связанных с собственностью и отношениями собственности.

Сомнительная «операциональность» сложившихся отраслевых представлений о собственности заставляет обратить внимание на необходимость их органического синтеза с ориентиром на осуществление принципа дополнительности. Но чтобы этот синтез действительно заявил о своей органичности, необходимо выявить онтологические основания собственности, используя возможности социально-философского дискурса.

Этот дискурс позволяет не только определить основания собственности, но и выявить взаимосвязь собственности и свободы, свободы и выбора, а также ответственности за этот выбор.

Все это закладывает основания для конструктивного рассмотрения отношения к собственности в праве, с учетом его специфики в уголовной и гражданской отраслях. Необходимость такого подхода подтверждается анализом авторитетных источников права. Он показывает, что авторы публикаций, посвященных этому вопросу, исследуя генезис права, не находят достойного места учению о собственности, несмотря на то что она является ключевой ценностью права, равной ключевым ценностям жизни и свободы, равенства и справедливости.

Разрешение правовоположения собственности и поиск ее базового основания может предложить философия права. «Выход в пограничную область»¹ позволит проверить обоснованность тех представлений о праве собственности, которые претендуют на универсальность.

Основательным фундаментом на пути становления современного представления о собственности и ее праве может стать русская философия собственности. Вклад в ее становление и развитие внесли Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, И. А. Ильин, П. И. Новгородцев, В. С. Соловьев, Л. Н. Толстой, Б. Н. Чичерин, В. Ф. Эрн и др. Глубина их исследований, позволяет вскрыть онтологическое основание собственности, ее подлинную сущность, а также определить ее «значение в жизни человека, живущего по привычке и под знаком страха, или по убеждению и под знаком совести»².

Исследования отечественных мыслителей начинаются, как правило, с поиска первосвидетельств возникновения феномена собственности. На этом пути их взгляды сосредоточены на явлении собственности в сознании и подсознании человека. А завершаются эти исследования в точке определения отношений между человеком и соб-

ственностью, где обнаруживаются разные мотивы ее поиска, обретения и отчуждения.

Представления основателей русской философии собственности заслуживают особого внимания и подлежат концептуальному анализу. То обстоятельство, что большинство из этих мыслителей относится к философам и правоведам, а меньшинство к социологам, экономистам и психологам, не является препятствием на пути их синтеза. Синтез – это условие формирования единого образа собственности, которая, как отмечал В. С. Соловьев, сама «по себе принадлежит к области права, нравственности и психологии...»³

Собственность – явление пограничное. И эта сложность ее напрямую связана с человеком – существом пограничным, который «одновременно принадлежит миру природному, социальному и духовному»⁴.

Этот посыл является ключевым и бесспорным, потому что «неотъемлемое основание собственности... заключается в самом существе человеческой личности»⁵. По этой причине отношение отечественных мыслителей к личности является исходным началом в каждом учении о собственности.

В своем сочинении «Оправдание добра» Владимир Сергеевич Соловьев (1853–1900) начинает с критического отношения к идее противопоставления личности обществу и к поиску ответа на «роковой вопрос: которое из двух начал должно быть принесено в жертву?»⁶ В. С. Соловьев, рассматривая проблему собственности, принимает во внимание как представления сторонников индивидуализма, утверждающих самодостаточность отдельной личности, так и сторонников коллективизма, признающих личность ничтожным и преходящим элементом общества, не имеющим никаких собственных прав. На заявленный вопрос он отвечает воспроизведением антипода человеческому обществу, состоящего из бесправных и безличных «тварей», из нравственных нулей.

Отвергая такое соотношение личности и общества как исключаящих друг друга начал, В. С. Соловьев находит в них два соотносительных и логически, и исторически взаимно друг друга предполагающих и требующих термина. Общество по своему содержанию есть нравственное восполнение или осуществление личности в данном жизненном круге. Тогда как единичное лицо есть сосредоточение бесконечного множества взаимоотношений с другим и другими⁷. В природе личности, способной «все понимать своим разумом и все обнимать сердцем», В. С. Соловьев видит ментальное свойство сознания различать себя от своего, свои мысли, чувства и желания от того, кому они принадлежат, т. е. «от себя как мыслящего, чувствующего, желающего»⁸. Опираясь на это свойство, человеческая психика незамедлительно отчуждает все пережитое и непременно отвергнет все переживаемое. Тем самым личность становится на путь самосовершенствования. Она обретает пережитое, а в случае достижения нового или необходимого старого накапливает его и в последующем культивирует в очередную отправную точку на пути познания мира и образования своего бытия.

Таким образом, содержание внутреннего, психического опыта человека является основанием для появления феномена собственности, а также для разделения ее на внутреннюю область и внешнюю сферу. Отчуждение части себя и признание ее своим, именуемое В. С. Соловьевым душевным состоянием, является первородным, онтологическим основанием собственности. Лишение такого состояния сравнимо с превращением человеческой личности в «пустое место, так что для действительности и полноты бытия недостаточно “себя”, а необходимо иметь “свое”»⁹.

К внутренней собственности В. С. Соловьев относит известный человеку спектр душевных состояний и его тело. Их отношение с человеком основано на прямой, естественной, произвольной связи. Ана-

логичную, идеальную связь с человеком имеет и внешняя собственность, к которой мыслителем отнесены все «внешние вещи». Подтверждением данного естественного основания собственности служит условность и оспоримость *реальной связи* вещей с человеком. В качестве исчерпывающего примера В. С. Соловьев приводит теснейшую реальную связь между лицом и украденной вещью. Равным же образом, отсутствие всякой реальной связи между человеком, живущим в Петербурге, и его недвижимым имуществом, находящимся в Восточной Сибири, не препятствует образованию и утверждению собственности¹⁰.

Далее В. С. Соловьев, соглашаясь с общепринятым философским определением собственности как идеального продолжения личности в вещах, выделяет два способа ее обретения: завладение и труд. Завладение есть захватывание предмета, никому не принадлежащего. Труд же может являться источником собственности только в том случае, если мы понимаем под ним воздаяние человека обществу за действительное осуществление или обеспечение его права на достойное существование. Результатом их компромисса и оценки взаимных обязанностей является право лица на заработанное, а в целом на капитал как на «чистое произведение человеческой воли».

Кроме того, В. С. Соловьев настойчиво отмечает, что во всех случаях связь между лицом и внешними вещами должна быть нравственна. Тем самым возникает необходимость рассмотреть проблему взаимосвязи морали и нравственности.

В сложившейся литературе с претензией на хрестоматийность мораль и нравственность отождествляются. Стереотип тождества морали и нравственности разрушается, как только исследователь определяет их ключевые ориентиры. Так ключевым ориентиром морали выступает долг, а нравственности – совесть. Долг ориентирован на служение конкретному обществу как целому, а совесть на осуществление этого

служения через принятие или непринятие нравственного закона как проявления всеобщего закона развития всего мироздания. И в этом смысле нравственность не несет на себе печати этнической, социальной, профессиональной, корпоративной принадлежности, что можно обнаружить, рассматривая долг. А поскольку совесть не тождественна долгу, то нужно не отождествлять мораль и нравственность, а выявить возможности каждой как особых норм социальной регуляции в нормативной пирамиде общества, которая ныне вершится нормами права. Определение потенциала морали и нравственности может существенно расширить возможности права при рассмотрении как собственности, так и отношение к собственности.

Существенный вклад в развитие философии собственности внес Иван Александрович Ильин (1883–1954). В основу своей концепции права он закладывает правосознание. По Ильину, закон – это норма, правило поведения, основу которого составляет естественное право. При выборе способа поведения человек всегда «прав», если придерживается установленного закона, поэтому любой произвол обречен на неудачу¹¹. Закон предполагает неукоснительное соблюдение трех правил: сохранять духовное достоинство, оберегать автономию и признавать право другого.

Эти правила позволяют гражданину переводить свою свободу, основанную на собственности, в состояние самодисциплины, быть субъектом права, претендуя на доверие и уважение как на уровне отношений с другими, так и на уровне отношений с государством; заявлять о своей способности и готовности сопротивляться злу силою¹².

И. А. Ильин рассматривает проблему собственности начиная с противопоставления духовного и недуховного понимания человека. В каждом из этих представлений мыслитель видит свои основания. Не случайно в них решается и вопрос о частной собственности. Как в одном, так и в дру-

гом случае мыслитель исходит из целостности идеи собственности.

Собственность не выдумана произвольно, а «вложена в человека и подсказана ему самую природою, подобно тому, как от природы человеку даны индивидуальное тело и индивидуальный инстинкт»¹³. Разница лишь в двух «человеках», двух способах жизни, в противоположных мирозерцаниях. Один человек является субъектом права, а собственность – объектом его творчества. Другой человек является объектом управления, а его имущество предметом посягательства. Последний воспринимается материальной величиной, подчиненной механическим законам, управляющим его жизнью, а первый его противоположностью.

Духовный человек представлен И. А. Ильиным живым центром семьи, родины, нации и государства, а также источником духовной культуры: церковной жизни, науки, искусства, нравственности, политики, труда и хозяйства. Такое понимание человека и порядка окружающих его объектов является, по мнению Ильина, мироположенным и данным от природы и Бога. Генератором сфер жизни человека является его дух и обусловленный духом процесс «внутреннего горения», ориентированный на совершенствование жизни человека.

В этом положении Ильина прослеживается естественный и закономерный вывод о том, что и человек по своему существу выступает кладезью и единственным держателем ценностей социальной организации. Он является их местом рождения, производства и отчуждения. Только в человеке может зародиться и развиваться духовная самостоятельность и творческая самодеятельность. Они являются его первой и личной принадлежностью. В них он находит мотив для труда и образ своего будущего.

В этом проявляется и этим объясняется онтологическое основание собственности, когда речь идет не о собственности на средства производства или о процессе распределения материальных благ, а о способно-

сти осмысления индивидом своих бытия и жизни, а также своей самодостаточности¹⁴. Личный дух – начало частной собственности человека.

В отличие от В. С. Соловьева А. И. Ильин не разделяет собственность на собственность внутреннюю и внешнюю. Но он, не отрицая ее диалектическую взаимосвязь, видит продолжение духовного начала собственности в прочном, вещественном гнезде, предоставленном человеку и обеспеченном за ним, – месте его жизни, его любви, деторождения, труда и свободной инициативы¹⁵.

Вместе с тем проблема частной собственности не сводится мыслителем «к тому, какие именно внешние вещи находятся у людей во внешнем распоряжении, и притом у каких людей»¹⁶. Ее ценность основана не на оправдании любого и всякого распределения имущества или всякого злоупотребления им, а следует из естественной потребности человека вкладывать свою жизнь в жизнь вещей¹⁷.

Этот процесс инвестирования собственности заключается в превращении вещей в объективное выражение и продолжение самой личности. Его источником является труд, под которым понимается не только телесно-мускульный, но и нервно-душевный и созерцательно-духовный процесс¹⁸. Такой труд имеет нравственное значение и измерение, является выражением долга и дисциплины.

Актам пользования, владения и распоряжения И. А. Ильин не придает фундаментального значения. Он их относит лишь к средствам социальной организации, необходимых для сужения или расширения круга вещей, путем их приобретения, продажи, дарения или уничтожения¹⁹.

Однако эти акты в единстве с собственностью должны представлять собой не формы проявления своеволия человека, а определение и направление судьбы вещей. В отрыве от собственности эти акты манипуляции ассоциируются философом с ее анти-

тезой, основанной на периодическом переделе границ, на уподоблении собственника арендатору, на его склонности к хищническому хозяйству²⁰.

Таким образом, под правом собственности И. А. Ильин понимает полное, исключительное, обеспеченное и закономерное полномочие частного лица над вещью. Основными свойствами такого права являются его исключительность, гарантирующие его реализацию и охрану от угрозы отчуждения.

Право собственности, по Ильину, основано на идеальной связи между вещью и собственником, так как оно не связано с фактическим господством силы и произвольным захватом. Собственником может быть индивидуальное человеческое существо, одаренное личным духом и инстинктом, имеющее субъективное правосознание и хозяйственную волю, преследующее свои частные интересы трудового и хозяйственного характера²¹.

Много интересных мыслей по поводу заявленной проблемы оставил Сергей Николаевич Булгаков (1871–1944). В своих статьях и рецензиях, вошедших в сборник «От марксизма к идеализму», он рассматривает ряд аспектов проблемы собственности и отношение к ней.

Булгаков исследует «ценность» как одно из основных понятий политической экономики, не без оснований полагая, что понятие «ценность» более чем всякое другое нуждается в практическом пересмотре²².

Дотошный анализ различных концепций по вопросу ценности позволяет ему определить ценность через отношения людей. «Ценность, – отмечает С. Н. Булгаков, – не есть правило обмена, точнее, не есть *только* правило обмена, она есть определенное общественное отношение, из которого *вытекает* значение ценности, как условие правила обмена»²³.

Отечественный мыслитель раскрывает форму и содержание понятия «общественное отношение». Он отмечает, что «содер-

жание общественного отношения, которое объемлется понятием ценности, состоит в том, что производители, производя потребительные ценности не для индивидуально, а для общественного потребления, входят между собою в общественные отношения не непосредственно, а через посредство продуктов своего труда, вещей»²⁴.

В своем наследии С. Н. Булгаков оставляет и свои размышления по поводу свободы человеческих действий, поднимая проблему свободы и ее интерпретации в сложившихся концепциях²⁵. Эти размышления дают повод к анализу взаимосвязи свободы и собственности и рассмотрению отношения к собственности через призму права.

Через собственность и свободу человек заявляет о своей возможности самоопределиться и самоутвердиться, заявив о себе, что он существует не только для других, но и для себя, что он есть не только объект, но и субъект²⁶.

В развитие философии собственности внес свою лепту и Владимир Францевич Эрн (1882–1917), предложив свою концепцию отношения к собственности через призму религиозного дискурса.

В своей работе «Христианское отношение к собственности» Эрн отмечает, что «собственность» есть крупнейший факт человеческой жизни и имеет значительное влияние на формирование и структуру всех человеческих отношений вообще и общественных и политических в особенности²⁷. С точки зрения отечественного мыслителя, «собственность есть такой видимый узел, в который как-то вплетаются и с которым как-то связываются чуть ли не все проявления человеческой жизни, и этого отрицать не станет никто»²⁸.

Поскольку собственность в жизни общества и человека в обществе занимает существенное место, то она заявляет о себе как объект пристального анализа, и в первую очередь анализа отношения к ней. В. Ф. Эрн ставит три вопроса: 1) каково должно быть отношение индивида к своей собственнос-

ти; 2) каково должно быть отношение индивидов к той собственности в границах своего социального «солидарного» образования, появление которой является следствием коллективных усилий (труда) и совместной жизни; 3) каково должно быть отношение к чужой собственности.

Третий вопрос является наиболее трудным и сложным, а поэтому требует исследования по существу. Этот вопрос обуславливает необходимость уяснить «взаимные отношения общинного и общественного начала, коренное различие их природы. Личное начало не только не сталкивается с началом общинным – но находит в нем свое естественное завершение; сохраняя в себе все интимное и субъективное нетронутым – в обилие, личность только раскрывается и развивается до предельной полноты. Впадая в море, реки не высыхают и не исчезают, а только соединяются через него в одну водную систему. Таково ли и отношение общинного начала к общественному. Общественное начало завершается естественно общинным или же является для него чуждой, темной и враждебной стихией, которой может быть только борьба и никогда мир, как у рек к суше, которая, питаясь их водами, только берет у них, ничего им сама не давая»²⁹.

Для ответа на эти вопросы следует рассмотреть специфику общинных и общественных отношений. По Эрну, в общинных отношениях все добровольно, все внутренне, все по убеждению. Что касается общественных отношений, то интересы и потребности субъектов этих отношений не только не согласуются и не совпадают, а находятся в прямом противоречии, а зачастую и во враждующем антагонизме. Поэтому третий вопрос отношения к собственности является «камнем преткновения» в отношениях между людьми. Чужая собственность может выступать объектом преступления, и таковой она нередко и является в условиях нарушения паритетных отношений между людьми, когда одна сторо-

на проявляет себя как субъект преступления, а вторая оказывается в положении его объекта. И это особенно легко просматривается через исследование феномена мошенничества.

Свой вклад в развитие философии собственности внес и глава московской школы философии права Павел Иванович Новгородцев (1866–1924). Сторонник идеи либерализма, он рассматривает собственность как базовое основание правоспособности индивида, как условие его автономии и как гарант защиты его от посягательств со стороны государства. Собственность выступает выражением «фактической возможности человека реализовать свое собственное отношение к миру».

Через собственность Новгородцев раскрывает взаимосвязь между свободой и законом, личностью и обществом, не отвергая при этом идеальную сущность права, ориентированного на обеспечение достойного существования человека, на смыкание нравственного и юридического смыслов.

Тезис о достойном существовании человека Новгородцев связывает с обязательствами государства обеспечивать индивиду ту меру свободы, которая выступает базовым основанием цивилизованного общества. Правовое государство не самоценность, а средство для осуществления высокой нравственной идеи – идеи самоосуществления личности в условиях ее автономии и суверенитета³⁰.

Проблему взаимосвязи собственности и государства поднимает и Борис Николаевич Чичерин (1828–1904). Он видит основания собственности в отдельно взятой личности. Что касается государства, то оно не создает собственность и лишено права ее упразднить, так же как государство не создает личность и не имеет права ее уничтожить³¹. Но за государством сохраняется прерогатива узаконить собственность, так же как оно узаконивает свободу. Другими словами, «государство освещает только то, что вытекает из природы человека. В этом

смысле, собственность есть краеугольный камень всего гражданского порядка... как бы ни осложнялись общественные отношения, в какое бы они ни слагались связанное тело, они все-таки исходят из лица и возвращаются к лицу. Ибо свободная воля лица составляет источник всякой человеческой деятельности, и в лице же заключается цель всего общественного устройства: им ощущается потребность и им же ощущается и сознается удовлетворение. А потому в устройении гражданского порядка важнее определение того, что присваивается лицу, что образует законную область его деятельности, чем он может располагать по своему изволению. Это и есть собственность. В ней лицо находит и точку опоры, и орудие, и цель своей деятельности. Чем тверже эти точки опоры, это, так сказать, место сидения лица, тем свободнее оно может действовать, тем вернее те отношения, в которые он вступает с другим, тем крепче и самый основанный на этих отношениях порядок»³².

Свою меру в развитие философии собственности внес и Лев Николаевич Толстой (1828–1910). Как и другие отечественные мыслители, он разделяет тезис о том, что онтологическое основание собственности следует искать не через общество или государство, а в самом человеке, в его отношении к миру. В жанре публицистики великий мыслитель рассматривает в качестве собственности в первую очередь жизнь каждого человека. «Обитатели земной планеты, – отмечает Л. Н. Толстой, – находятся еще в таком состоянии нелепости, неразумия, тупости, что каждый день читаешь в газетах рассуждения правителей народов о том, с кем и как надо соединиться для того, чтобы воевать с другими народами, сами же народы при этом позволяют своим руководителям располагать ими, как скотом, ведомым на бойню, как будто жизнь каждого человека не есть его личная собственность»³³.

Рассматривая жизнь отдельно взятого человека как онтологическое основание

собственности, Л. Н. Толстой в качестве атрибута собственности выделяет способность человека любить, и эта любовь проявляется через его отношение к миру. Ссылаясь на Эпиктета, Лев Николаевич отмечает: «Не то жалко, что человек умер, что он потерял свои деньги, что у него нет дома, имения, – все это не принадлежит человеку. А то жалко, когда человек потерял свою истинную собственность, свое высшее благо: свою способность любить»³⁴.

С точки зрения великого писателя, пока человек отъединен от других людей, пока он живет безлюбой жизнью, ощущая жизнь как нечто данное только ему, чем он обладает на правах истинной собственности, которая не может и не должна быть «разделена» с другими, он неизбежно будет подвержен тем состояниям, которые с такой невыносимой болезненностью переживались людьми вроде П. Я. Чаадаева, автора «Записок сумасшедшего».

Таким образом, Л. Н. Толстой, как и другие мыслители, разделяет основной тезис отечественной философии собственности о том, что источником собственности является сам человек в его отношении к миру.

Значительное внимание проблеме собственности уделял и Николай Александрович Бердяев (1874–1948). Неотъемлемой частью его фундаментальных произведений «Философия неравенства» и «О рабстве и свободе человека» являются разделы, посвященные собственности.

Н. А. Бердяев разделяет представление о собственности как о явлении, имеющем материальное и духовное измерения³⁵. Начала собственности он неразрывно связывает с началом личности, а ее корень видит в духовной свободе человека. Характер становления собственности Н. А. Бердяев объясняет спецификой развития человеческой личности. По Бердяеву, личность представляет собой «двойственное и противоречивое существо, существо в высшей степени поляризованное, богоподобное и зве-

роподобное, высокое и низкое, свободное и рабье, способное к подъему и падению, к великой любви и жертве и к великой жестокости и беспредельному эгоизму»³⁶.

Исследуя феномен собственности, Н. А. Бердяев приходит к выводу, что ее ценность не может быть высшей и абсолютной. Она должна быть подчинена ценности человеческой личности. Этот вывод Бердяева соответствует общему выводу отечественной философии собственности. Следует отметить, что к противоположным выводам по вопросу собственности приходит европейская мысль, рассматривая собственность как ценность, которая выше ценности личности.

Тезисом приоритета личности над собственностью Н. А. Бердяев определяет отношение человека к собственности, которое основывается на относительности, ограниченности, функциональности и зависимости от человека³⁷. Но таким требованиям отвечает не всякая, а только личная собственность, которая опирается на труд и реальность³⁸. Выражением личной собственности во вне является владение, под которым Н. Бердяев понимает не полномочие человека властвовать над вещью, а его функциональное отношение к материальному миру.

Изменение соотношения отмеченных начал включает механизм овеществления человека и расщепления его целостного образа, что приводит к признанию условной риторикой утверждения о том, что «личность есть то, что человек есть, она остается, когда он уже ничего не имеет»³⁹.

С понятием собственности Н. Бердяев незримо связывает возможность становления индивида личностью. Человек становится личностью и собственником в меру преодоления мира видимых вещей и иерархии их положения. Индивид ориентирован на бесконечное поглощение будущего, преодолевая свое прошлое.

Деятельность бердяевской личности образуется сказуемыми – «ставить» и «свер-

гать», «создавать» и «поработать», «порождать» и «делать» все более фиктивной жизнь людей⁴⁰. Наполняемые акты Н. А. Бердяев называет условными в силу их способности трансформироваться и приспособляться к различным условиям жизни.

Мыслитель вскрывает основание и *права* собственности, которые заключаются в акте наложения воли свободного духа человека на стихийные силы природы. От этого действия рождаются неотъемлемые права и обязанности. Согласно им, человек принимает на себя обязательство не потребительски относиться к материальной природе, чтобы последняя сумела обеспечить его связь с предками⁴¹. Все акты, наполняющие материальную связь отцов и детей, Н. А. Бердяев ассоциирует с правом передачи собственности, но не правом собственности. К праву собственности относится лишь воплощение и поддержание связи времен и поколений.

Правовое значение личной собственности заключается не в том, что она служит источником свободы и независимости человека, а в том, что она является их гарантией. Основная роль в обеспечении такой функции отдана государству и обществу, которые выступают посредниками, регуляторами и гарантами, препятствующими тому, чтобы собственность стала орудием эксплуатации⁴².

По Бердяеву, необходимыми условиями становления института права собственности являются особое социальное пространство и время, определенные нравы и особый тип культуры. Для этого института неотъемлемыми являются история становления собственника и происхождение его собственности, действительность и подлинность возникших отношений, а также достоверность пути развития отчужденной собственности.

Проведенный анализ взглядов отечественных мыслителей философии собственности позволяет констатировать:

1. Онтологическое основание собственности следует искать не в обществе и не в

государстве, а в самом человеке, в его отношении к миру. Собственность есть такой видимый узел, в который *естественно* вплетаются и с которым *исторически* связаны чуть ли не все проявления человеческой жизни. Содержание внутреннего, психического опыта человека является основанием феномена собственности, а также поводом для разделения ее на внутреннюю область и внешнюю сферу. Внутреннюю собственность человека составляют спектр душевных состояний и его тело. Источником внешней собственности является завладение и труд как чистое произведение человеческой воли. Собственность имеет духовное и материальное измерения, и проявляется она через свободное отношение к миру. С понятием собственности связывается возможность трансформации индивида в личность.

2. Собственность не выдумана произвольно, а «вложена в человека и подсказана ему самой природою, подобно тому, как от природы человеку даны индивидуальное тело и индивидуальный инстинкт». Разница лишь в двух «человеках», двух способах жизни, в противоположных мировоззрениях. Один человек является субъектом права, а собственность – объектом его творчества. Другой человек является объектом управления, а его имущество предметом посягательства.

3. Связь между лицом и внешними вещами идеальна и должна быть нравственна. Поскольку совесть не тождественна долгу, то нужно не отождествлять мораль и нравственность, а выявить возможности каждой, как особых норм социальной регуляции в нормативной пирамиде общества, которая ныне вершится нормами права. Определение потенциала морали и нравственности может существенно расширить возможности права при рассмотрении как собственности, так и отношения к собственности.

4. Ценность собственности определяется через отношения людей. Через собствен-

ность и свободу человек заявляет о своей возможности самоопределиться и самоутвердиться, заявив о себе, что он существует не только для других, но и для себя, что он есть не только объект, но и субъект.

5. Отношение к собственности определяется через призму поиска ответа на три вопроса: 1) каково должно быть отношение индивида к своей собственности; 2) каково должно быть отношение индивидов к той собственности, которая складывается в результате коллективных усилий в границах своего «солидарного» образования; 3) каково должно быть отношение к чужой собственности. Третий вопрос является наиболее трудным и сложным. Это «камень преткновения» в отношениях между людьми. Чужая собственность может выступать объектом преступления, и таковым она зачастую и является в условиях нарушения паритетных отношений между людьми, когда одна сторона проявляет себя как субъект преступления, а вторая оказывается в положении его объекта.

6. Регламентом общественных отношений к собственности выступает закон. Закон – это норма, правило поведения, основу которого составляет естественное право. При выборе способа поведения человек всегда «прав», если придерживается установленного закона, поэтому любой произвол обречен на неудачу. Закон предполагает неукоснительное соблюдение трех правил: сохранять духовное достоинство, оберегать автономию и признавать право другого человека. Эти правила позволяют гражданину переводить свою свободу, основанную на собственности, в состояние самодисциплины, быть субъектом права, претендуя на доверие и уважение как на уровне отношений с другими, так и на уровне отношений с государством.

7. Поскольку закон обеспечивается санкциями государства, то между государством и собственностью возникает возможность определенных коллизий, когда институты государства предадут забвению тот

факт, что государство не создает собственность и лишено право ее упразднить, так же как оно не создает личность и не имеет права ее уничтожать. Собственность выступает базовым основанием правоспособности индивида, является условием его автономии и гарантом защиты от посягательств со стороны государства. Собственность выступает выражением «фактической возможности человека реализовать свое собственное отношение к миру».

8. Возможность самореализации, самовыражения и самоутверждения личности через свое отношение к миру может быть формальной или реальной, в зависимости от меры свободы личности, когда она заявляет о себе через свое волеосуществление, а не является заложником воли другого че-

ловека, обстоятельств, общества или государства; когда реальностью становится механизм отчуждения в форме персонификации общественных отношений и деперсонификации человека в системе этих отношений.

9. Собственность располагает своим правовым измерением. Как право человека, она имеет антропологический смысл. Это право выражается в определенном социальном пространстве и реализуется в установленном времени в условиях конкретного общества и средствами конкретного государства, что заставляет постоянно держать в поле зрения взаимосвязь теории и практики по заявленной проблеме, обеспечивая эстафету (преемственность) нарабатанного опыта с современностью.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Кальной И. И. *Философия права: Учебник*. СПб., 2006. С. 36.
- ² Там же. С. 39.
- ³ Соловьев В. С. *Оправдание добра: Нравственная философия* / Вступ. ст. А. Н. Голубева и Л. В. Коноваловой. М., 1996. С. 313.
- ⁴ Кальной И. И. *Указ. соч.* С.140.
- ⁵ Соловьев В. С. *Указ. соч.* С.313.
- ⁶ Там же. С. 202.
- ⁷ Там же. С. 201.
- ⁸ Там же. С. 313.
- ⁹ Там же. С. 314.
- ¹⁰ Там же. С. 315.
- ¹¹ Ильин И. А. *О правосознании // Путь к очевидности*. М., 1993. С. 247–257.
- ¹² Ильин И.А. *О сопротивлении злу силою // Путь к очевидности*. М., 1993. С. 110.
- ¹³ Ильин И. А. *Почему мы верим в Россию: Сочинения*. М., 2006. С. 358.
- ¹⁴ Там же. С. 349.
- ¹⁵ Там же. С. 346.
- ¹⁶ Там же. С. 355.
- ¹⁷ Там же. С. 356.
- ¹⁸ Там же. С. 358, 360.
- ¹⁹ Там же. С. 361.
- ²⁰ Там же. С. 362.
- ²¹ Там же. С. 360–361.
- ²² Булгаков С. Н. *Закон причинности и свобода человеческих действий // От марксизма к идеализму*. М., 2006. С.200.
- ²³ Там же. С. 209.
- ²⁴ Там же. С. 209.
- ²⁵ Там же. С. 416–433.
- ²⁶ Булгаков С. Н. *Что дает философия Владимира Соловьева // От марксизма к идеализму*. М., 2006. С. 571–638.
- ²⁷ Эрн В. Ф. *Христианское отношение к собственности // К. Исупов, М. Савкин. Русская философия собственности (XVII–XX вв.)*. СПб., 1993. С. 194.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 194–204.

³⁰ *Новгородцев П. И. Сочинения / Сост., вступ. статья и прим. М. А. Колерова, Н. С. Плотникова. М., 1995. С. 321–327.*

³¹ *Чичерин Б. Н. Собственность и государство // К. Исупов, М. Савкин. Русская философия собственности (XVII–XX вв.). СПб., 1993. С. 113–114.*

³² Там же. С. 114.

³³ *Толстой Л. Н. Путь жизни / Сост., коммент. А. Н. Николюкина. М., 1993. С. 259.*

³⁴ Там же. С. 91.

³⁵ *Бердяев Н. А. О назначении человека. О рабстве и свободе человека. М., 2006. С. 180.*

³⁶ Там же. С. 18.

³⁷ Там же. С. 183.

³⁸ Там же. С. 182.

³⁹ Там же. С. 182.

⁴⁰ Там же. С. 181–182.

⁴¹ *Бердяев Н. А. Философия неравенства / Состав., предисл. и примеч. Л. В. Полякова. М., 1990. С. 199.*

⁴² *Бердяев Н. А. О назначении человека. О рабстве и свободе человека. С. 182–183.*